

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОРФОЛОГИИ: УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ИЛИ КРИЗИС?

*Писать прекрасно — значит одновременно
прекрасно мыслить, прекрасно чувствовать
и прекрасно выражать, то есть обладать
в равной мере умом, душою и вкусом.*

Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон

Известно, что обновление, совершенствование и эволюция языка протекают одновременно и в тесной связи с развитием общества, отражая происходящие в нем перемены. Преобразования русского языка в последние века происходят, по-видимому, с большей скоростью, чем других европейских языков. Действительно, современные англичане почти без затруднений понимают язык У. Шекспира (XVI в.), а французам полностью доступны произведения Ж.-Б. Мольера и Ж. Расина (XVII в.), равно как и более ранних национальных авторов. Однако попробуйте прочитать и полностью понять, например, указы Петра I, не говоря уже о более старых документах. Нынешнему читателю явно потребуются толкование и перевод на современный язык многих слов. Такие быстрые изменения нашего языка часто связывают с его относительной молодостью, но, возможно, они также объясняются тем, что нашей стране довелось пройти большие испытания и изменения, чем другим европейским странам. Поэтому неудивительно, что произошедшие в последние десятилетия резкие преобразования нашего государственного строя, общества, идеологии, мировоззрения и мышления людей не могли не отразиться на том языке, который выражает все эти понятия, — ведь наш язык и окружающая нас действительность теснейшим образом взаимосвязаны, мир русского слова как зеркало отражает нашу жизнь.

Ощутимые изменения русского языка вызвали многочисленные оживленные дискуссии, которые подогревались средствами массовой информации, а также некоторыми выступлениями и решениями чиновников, руководящих системой образования. С одной стороны, интерес общества к русскому языку можно расценить как положительное явление — свидетельство повышения национального самосознания, с другой — он отражает беспокойство, причины которого кроются в глубоком кри-

зисе, который переживает наш язык, и повсеместной утрате культуры устной и письменной речи.

Неоднократно предметом обсуждения в прессе являлись пересмотр грамматических норм в сторону их максимального упрощения и даже проблема допустимости употребления ненормативной лексики. Характерно, что эти тенденции сочетаются с многократно отмеченным заметным снижением общей грамотности населения, особенно молодежи, все большим проникновением в бытовую речь не только обычных людей, но и руководителей высокого ранга уголовного жаргона, появлением новых профессиональных сленгов, искажающих русский язык, в частности, так называемого молодежного лексикона, а также сознательно уродующего нормы написания и произношения специфического жаргона, используемого при переписке в Интернете и пересылке SMS-сообщений. Не заметить этих изменений нельзя, но и полностью смириться с ними невозможно, поэтому для тех, кому небезразлична судьба родного языка, малоубедительно звучат слова некоторых «оптимистов», толкующих о неизбежности изменений языка в новых общественных условиях, о языке, как «живом организме, не подлежащем консервации», впитывающем в себя все новое и за счет этого только обогащающемся, об объективности перемен русского языка, как стихийном процессе развития, который не нуждается в регулировании, о способности нашего языка преодолеть все трудности, вобрать в себя все лучшее и отвергнуть лишнее, неподходящее и т.п.

Резкие изменения отмечены и в научном языке, на который оказывают влияние не только происходящие социальные сдвиги, но также и динамичное развитие новых отраслей знаний, быстрое умножение и накопление ранее неизвестной информации, появление вновь созданных терминов, определений и концепций [5]. Эти изменения существенно затронули стремительно развивающиеся морфологические дисциплины и свойственный им язык, обогатив их новыми представлениями и данными, расширив понятийный аппарат, усложнив и умножив терминологию, внося коррективы в стиль и характер изложения результатов исследований. Поэтому, рассматри-

вая язык современной морфологии, следует обратить внимание на две отчетливо прослеживаемые тенденции, отражающие отмеченные выше процессы: изменение культуры письменной научной речи и массовое внедрение иноязычных терминов.

Залогом продуктивного развития любой науки, включая морфологию, является ясный, живой и грамотный язык, который первичен в процессе познания и не может быть заменен никакими технологическими достижениями, графиками, таблицами, формулами и иллюстрациями. Языковая грамотность предполагает свободное владение грамматикой и вооруженность необходимым словарным запасом. Неграмотно написанный текст неизбежно свидетельствует о недостаточном уровне как общей культуры, так и профессиональной компетенции автора, — он воспринимается с трудом, и его прочтение и понимание требуют большего времени. Фактически, создавая такой текст, его автор заранее проявляет неуважение ко всем тем, кому придется с ним знакомиться. Более того, не выстроенное логически, беспорядочное изложение материала в сочетании с его неряшливым оформлением неизбежно наводят на мысль, что и сама работа делалась столь же неряшливо, сумбурно и непродуманно.

Опыт работы редакции журнала «Морфология» свидетельствует о том, что в последние десятилетия произошло заметное снижение языковой культуры авторов многих публикаций. Это связано, по-видимому, как с появлением нового поколения молодых авторов, не в полной мере владеющих опытом написания научных работ, так и с ослаблением контроля со стороны их научных руководителей, призванных помочь им не только в получении и осмыслении новых научных данных, но и в подготовке научных материалов к печати, которая является неотъемлемой и крайне важной частью выполнения научного исследования. В результате столь частым замечанием при рецензировании работ стало указание на большое количество разнообразных языковых погрешностей. Однако и после авторской правки текст очень многих статей и особенно материалов конференций зачастую требует исправления грамматических, орфографических, пунктуационных, лексических и стилистических ошибок (нередко вплоть до коренной переработки), что избыточным грузом ложится на научных редакторов и корректоров.

Иногда высказывается мнение, что научный текст, особенно современный, являясь сугубо информационным документом, должен обеспечить выполнение лишь одной задачи — содержать понятное и четкое изложение полученных

автором данных, а его язык и стиль не играют существенной роли. Не подвергая сомнению первостепенную значимость ясности излагаемых материалов, следует, однако, заметить, что она, как правило, свойственна лишь авторам, хорошо владеющим языком и обычно обладающим грамотным, ярким и индивидуальным стилем.

Несмотря на то, что строгое научное изложение собственных данных и сведений, почерпнутых из литературы, требует определенного стандарта, формата и порядка их представления (указанных в «Правилах для авторов»), это не означает, что научная статья вследствие этого превращается в безликий шаблонный канцелярский документ, за которым полностью скрыта личность автора и не видно его отношение к проблеме, путям и методам ее разрешения. Хотя в ходе редактирования избыточно эмоциональные и несвойственные научным текстам выражения обычно заменяются более привычными и уместными в специальном журнале, оригинальный стиль статьи, как правило, тщательно сохраняется, поэтому читатель всегда имеет возможность объективно оценить не только логичность изложения, но и индивидуальный язык автора. Как правило, статья, в которой материал представлен логично и понятно, изложена грамотным, живым, ярким, современным языком, способствующим лучшему восприятию полученных данных. Такой язык позволяет более глубоко понять сущность разрабатываемой проблемы, в полной мере оценить ее сложность и неоднозначность, а также научную компетенцию автора.

Напротив, текст некоторых статей отличается запутанностью, нечеткостью, неточным употреблением лексики, искажением значений слов, избытком общими фразами, не несущими конкретного смысла. Более того, иногда создается впечатление, что эти недостатки не только взаимосвязаны, но и не случайны. Так, текст намеренно составляется таким образом, чтобы, например, не раскрывать детали методик исследования (что делает работу невоспроизводимой для других авторов). Зачастую авторы стараются не привлекать внимания читателя к реальным или мнимым противоречиям полученных данных, их возможному несоответствию сведениям, имеющимся в литературе, завуалировать вопрос об их новизне и значении в сопоставлении с ранее проведенными исследованиями. Тем самым они максимально нивелируют именно то, что заставляет читателя вместе с автором вдуматься в полученные данные, провести глубокий анализ результатов работы и проблемы в целом, обеспечивая развитие идей и обогащение представлений.

В таких статьях живое обсуждение результатов работы, вскрывающее возможные причины и механизмы наблюдаемых явлений, подменяется вызывающими уныние и давно примелькавшимися клише, вроде безликих и ничего не проясняющих общих ссылок на процессы адаптации, этапы онтогенеза, становление функций, видовые, возрастные и половые различия. Такой стиль чаще всего отражает недостаточную компетенцию автора в изучаемой проблеме, его неуверенность в полученных данных, неспособность оценить их значение, недостаточное знакомство с научной литературой. На общее обеднение языка, приверженность к затертым и безликим штампам указывают также навевающие скуку заглавия некоторых статей и материалов конгрессов, многие из которых начинаются шаблонным словом «особенности». Вместо простого и понятного «возрастные изменения» многие любители наукообразности непременно напишут «изменения на этапах постнатального онтогенеза».

Об опасности употребления штампов предупреждал выдающийся отечественный филолог Г.О. Винокур: «Штампованная фразеология закрывает нам глаза на подлинную природу вещей и их отношений, ... она подставляет нам вместо реальных вещей их номенклатуру — к тому же совершенно неточную, ибо окаменевшую». Далее автор заключает: «Поскольку мы пользуемся ничем не значащими лозунгами и выражениями, то бессмысленным, ничего не значащим становится и наше мышление. Можно мыслить образами, можно мыслить терминами, но можно ли мыслить словарными штампами?» [1]. Все сказанное позволяет прийти к одному существенному выводу: язык и стиль публикаций обычно теснейшим образом связаны с их научной ценностью; разнообразие ошибки и лексическая бедность делают язык науки не только маловыразительным, но и ущербным даже в такой обязательной его функции, как передача информации.

Второй тенденцией, отчетливо прослеживаемой в языке современной морфологии, которая представляется особенно неблагоприятной на фоне снижения российской языковой культуры, является массовое внедрение иностранных (преимущественно англоязычных) слов, терминов и понятий. Это явление характерно для всего современного русского языка, причем сейчас оно приобрело столь значительные масштабы, что оценивается некоторыми лингвистами как настоящая «языковая интервенция».

Заимствование иностранных слов — далеко не новое явление в русском, как, впрочем, и других языках. В последние века оно особенно активно

происходило в языке нашей науки благодаря появлению новых понятий, технологий, материалов (в морфологии — описанию ранее неизвестных структур), не имевших точного словесного эквивалента в русском лексиконе. В XIX в. ведущим языком морфологии был немецкий, на котором публиковались и большинство отечественных авторов.

Роль современного международного языка науки, безусловно, играет английский, который действительно стал универсальным языком-посредником, используемым почти во всех странах мира. Число говорящих на нем людей превышает полтора миллиарда. Сейчас он является активным языком-донором слов и понятий в области торговли, бизнеса, спорта, культуры, техники и науки, которые включаются во все языки мира. Поэтому неудивительно, что отечественный научный лексикон, как и весь русский язык, активно насыщается словами английского происхождения.

Как считают многие лингвисты, процесс заимствования слов — явление нормальное и даже неизбежное, более того, освоение иноязычной лексики обогащает словарный запас принимающего языка. Однако заимствование иноязычного понятия или научного термина логично и оправдано лишь в тех случаях, когда в русском лексиконе отсутствует равнозначное слово, либо отечественный эквивалент значительно уступает иноязычному слову по выразительности, лаконичности или фонетическим характеристикам.

Современный русский научный словарь, в частности язык морфологии, располагает многообразной и гибкой лексической базой, включающей как слова русского происхождения, так и большое количество иноязычных терминов, исторически включенных в него и полностью им ассимилированных. О многообразии и богатстве отечественных морфологических терминов свидетельствуют, например, исследования старинных русских названий анатомических структур [2–4].

Поэтому замена проверенных временем и привычных терминов новыми аналогичными иностранными мало обоснована. При действительной потребности в новом термине следует не слепо переносить в наш лексикон иностранное слово, а предпринять усилия по созданию русскоязычного эквивалента, исходя из богатых возможностей русского языка и обширного морфологического и общенаучного лексикона. Англоязычные термины и определения, естественные для носителей языка и не требующие какого-либо пояснения, выглядят нелепыми и непонятными для отечественного читателя при их механическом переносе в русский язык путем транслитерации.

Отечественная морфологическая терминология не является застывшей системой, напротив, она непрерывно развивается и совершенствуется одновременно с развитием Международной номенклатуры. Свидетельством этого явился выход в свет давно ожидаемых Российской анатомической и гистологической терминологии (точнее говоря, русскоязычных версий Международной анатомической и гистологической терминологии) [7, 8]. Готовится к публикации также и эмбриологическая терминология. Хотя эти издания не свободны от ряда недостатков и также испытали на себе несомненное давление англоязычных терминов, создателями отечественных версий были предприняты особые меры по сохранению оптимальных русскоязычных терминов. Авторы Международной анатомической и гистологической терминологии — Федеративный международный комитет по анатомической терминологии (FICAT), понимая важность сохранения существующих национальных вариантов морфологической терминологии, недвусмысленно выступают против слепого копирования англоязычных терминов. В частности, в предисловии к Международной гистологической терминологии специально оговаривается, что основой для создания национальных вариантов терминологии должна служить только принятая латинская версия, но никак не английская. Из этого следует заключение, что отечественная морфологическая номенклатура, построенная на традиционно сложившейся системе русскоязычных терминов, соответствующей принятым международным стандартам, может обогащаться новыми терминами, основным образцом для создания которых служит латинский вариант международной терминологии.

Между тем, современные морфологические публикации, к сожалению, изобилуют словами и терминами, некритически перенесенными из английского языка. Это касается всего современного языка морфологов, который включает и собственно морфологические, и молекулярно-биологические, и биохимические термины. Очень часто в английской транскрипции без перевода на русский язык авторы приводят наименования факторов роста, цитокинов, хемокинов, генов, локусов хромосом, транскрипционных факторов, адгезионных, сигнальных и рецепторных молекул, а также аббревиатуры этих названий. Между тем, все они имеют русские эквиваленты. Известный маркер — пероксидазу хрена — называют HRP (horseradish peroxidase), а диаминобензидин — DAB. Многие нейроанатомы (в том числе и известные, а, глядя на них, и их ученики) давно заменили существующие русские названия раз-

личных структур мозга англоязычными версиями латинских терминов и настаивают при публикации своих материалов на сохранение именно таких терминов и их аббревиатур (но ни русских, ни латинских). В представляемых текстах анатомы часто заменяют традиционные русские названия органов и их частей на иностранные («тестикулы», «вагина», «кардия», «атриальный», «вентрикулярный», «гаустры»). Говоря о наименовании органов, следует заметить, что не всем понятно, чем продиктована необходимость замены в последней анатомической терминологии привычного термина «предстательная железа» на иностранный «простата». Очень многие процессы, явления и действия также приобрели в последние годы англоязычные обозначения; некоторые морфологические тексты настолько кишат ими, что это, порой, сильно затрудняет восприятие их смысла. Иностранные слова и термины, употребление которых, на мой взгляд, ничем не оправдано, все чаще встречаются в статьях, направляемых в журнал «Морфология». Некоторые из наиболее распространенных приведены в таблице (в алфавитном порядке, без отбора по частоте встречаемости).

Причин столь широкого проникновения англоязычных терминов в язык науки и, в частности, морфологии, по-видимому, несколько. С одной стороны, это нежелание тратить время и силы на поиск равнозначного русского слова, понятия или неспособность найти его. С другой стороны — это ложное ощущение, что использование многочисленных иностранных терминов придает языку особую значимость и создает у читателя впечатление, что автор, столь легко владеющий иностранной терминологией, вероятно, в совершенстве владеет и предметом своего исследования. Однако такая видимая наукообразность и намеренная сложность редко соответствуют действительной научной ценности работы, а зачастую лишь пытаются прикрыть ее отсутствие. Третьей причиной злоупотребления англоязычными терминами является банальная мода на иностранные названия, столь навязчиво распространяемая во все сферы нашей жизни рекламой, шоу-бизнесом и средствами массовой информации.

Независимо от причины некритический перенос массы иноязычных терминов в научный язык свидетельствует о неуважении к родной речи, культуре, науке, своему народу и его традициям, готовности по незнанию или вполне намеренно исказить нормы русского словообразования, о согласии добровольно отречься от родного языка и перейти на чужой.

Словарь заимствованных терминов с их переводом на русский язык

Заимствованные слова и термины	Русские эквиваленты	Заимствованные слова и термины	Русские эквиваленты
<i>Ассоциированный, ассоциировать</i>	Связанный, связывать	<i>Паттерн</i>	Модель, рисунок, система, распределение
<i>Баблы</i>	Пузырьки, вздутя	<i>Позитивный</i>	Положительный
<i>Буккальный</i>	Щечный	<i>Презентация, презентировать</i>	Представление, представлять
<i>Вагинальный</i>	Влагалищный	<i>Прогениторный</i>	Родоначальный
<i>Везикула</i>	Пузырек	<i>Продуцирование</i>	Выработка
<i>Визуализировать</i>	Видеть	<i>Протективный</i>	Защитный
<i>Габитуация</i>	Привыкание	<i>Процессинг</i>	Обработка
<i>Гирификация</i>	Образование извилин	<i>Продуцирование</i>	Выработка
<i>Дегradировать</i>	Разрушать, расщеплять	<i>Рамификация</i>	Ветвление
<i>Дентальный</i>	Относящийся к зубу, зубной	<i>Раффлы</i>	Сборки, складки
<i>Деструкция</i>	Разрушение	<i>Рекрутирование</i>	Привлечение, вовлечение, участие
<i>Детектировать</i>	Выявлять	<i>Ремоделирование</i>	Перестройка
<i>Децеллюляризация (деселлизация)</i>	Удаление клеток	<i>Репрезентировать</i>	Представлять
<i>Имидж-анализ</i>	Анализ изображения	<i>Сенситивный, сенситивность</i>	Чувствительный, чувствительность
<i>Имматуронатный</i>	Незрелый	<i>Ретикулум</i>	Сеть
<i>Инициация</i>	Начало	<i>Сигнальная трансдукция</i>	Преобразование сигнала
<i>Инсеминация</i>	Осеменение	<i>Скэффолд</i>	Поддерживающий элемент
<i>Карго</i>	Груз	<i>Статус</i>	Состояние
<i>Лоцировать</i>	Обнаруживать	<i>Форм-фактор</i>	Фактор формы
<i>Манифестация, манифестный</i>	Проявление, заметный	<i>Хэтчинг</i>	Вылупление, освобождение от оболочек
<i>Мукозальный</i>	Относящийся к слизистой оболочке	<i>Цервикальный</i>	Шеечный
<i>Негативный</i>	Отрицательный*	<i>Экстрацеллюлярный матрикс</i>	Межклеточное вещество
<i>Нутриенты</i>	Питательные вещества	<i>Элиминирование</i>	Устранение
<i>Оральный</i>	Ротовой		

*Использование особенно нерационально в сочетании «негативная реакция» (например иммуноцитохимическая), т. е. когда фактически она отсутствует.

Проблемы, стоящие перед нашим языком, нашли живой отклик в обществе. Особенно активно они обсуждались в 2007 г., который был объявлен Президентом Российской Федерации «Годом русского языка». На уровне высшего руководства страны осуществляются попытки принять серьезные меры по защите и сохранению русского языка. В 2005 г. Президент РФ подписал Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [6], статья 1 которого (Русский язык как государственный язык Российской Федерации) содержит важное положение: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного

русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке».

Сказанное в полной мере относится и к обсуждаемой нами проблеме русского научного языка, однако понятно, что одними только административными мерами невозможно управлять его развитием. Эта задача может быть достигнута лишь общими усилиями всех ученых, и отправной точкой должно явиться осознание нынешнего кризисного состояния научного языка. Воспитывая научную молодежь, очень важно привить ей уважение к национальной научной традиции, русскому научному языку. Стратегически важной задачей в условиях постоянно умножающихся знаний и усложнения концепций является сохранение

ясного, понятного всем и неискаженного русского научного языка с недвусмысленными терминами. Следует препятствовать распространению языка, необоснованно усложненного иностранными и не всегда понятными терминами, а зачастую — сомнительным наукообразным жаргоном.

В этом отношении особая ответственность ложится на центральный орган наших морфологов — журнал «Морфология», поскольку помещенные в нем статьи обычно служат своеобразным образцом написания современных работ по анатомии, гистологии и эмбриологии, эталоном качества морфологического языка, в особенности, для молодых ученых. Поэтому любые лингвистические неточности и ошибки в статьях, к сожалению, немедленно закрепляются в качестве образцов построения предложений, использования терминологии. Сказанное заставляет нас особенно тщательно редактировать статьи, публикуемые в журнале «Морфология», одновременно повышая требовательность к авторам, добиваясь строгого соблюдения ими языковых норм.

Рассматривая перспективы сохранения, развития и совершенствования отечественного научного языка и научной терминологии, следует отметить их главный путь — успешно развивать науку в нашей стране, стремиться к новым высоким достижениям и открытиям, тогда основной задачей будет не поиск оптимальных русских эквивалентов англоязычного прототипа, а создание новых оригинальных терминов на русском языке, которые будут восприниматься и усваиваться всем миром.

Проблема научной оценки происходящих изменений языка современной морфологии, как и в целом языка российской науки, ждет своего внимательного исследователя. Для ее анализа потребуются как ясное понимание функций и свойств русского языка, хорошее знание иностранных языков и морфологической терминологии, так и безупречное владение самими научными дисциплинами, без которого невозможна оценка адекватности употребляемых терминов и стиля изложения.

В.Л. Быков

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Культура языка. Серия «Лингвистическое наследие XX века». 3-е изд. М., КомКнига, 2006.
2. Романов Н.А. и Доросевич А.Е. Русская анатомическая терминология XVIII века. Кн. 1. Смоленск, САУ, 1997.
3. Романов Н.А. и Доросевич А.Е. Русская анатомическая терминология XVIII века. Кн. 2. Смоленск, САУ, 2004.
4. Романов Н.А. и Доросевич А.Е. Русская анатомическая терминология XVIII века. Кн. 3. Смоленск, Русич, 2009.
5. Скворцов А.К. О языке современной русской научной литературы. Природа, 2002, № 5, с. 3–13.
6. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ).
7. Terminologia Anatomica: Международная анатомическая терминология. Под ред. Л.Л. Колесникова. М., Медицина, 2003.
8. Terminologia Histologica: Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов. Под ред. В.В. Банина и В.Л. Быкова. М., Гэотар–Медиа, 2009.